

Сюань Лин была мертва, и сердце Жун Юэ терзали скорбь и отчаяние. Он не смел встретиться с Сюань Ли лицом к лицу, а когда тот всё же явился, Жун Юэ, ослабленный, не смог выстоять и против одного удара, едва не расставшись с жизнью. Лишь вмешательство Цан И остановило расправу, после чего и начались все эти испытания.

Жун Юэ лелеял мысль воскресить Сюань Лин, но для этого требовалось поймать хотя бы крупницу её уцелевшей души. После того как Жун Юэ спустился в мир смертных, Цан И взял эту задачу на себя, неустанно отыскивая способ вернуть девушку к жизни. Наконец труды принесли плоды. Знай об этом Сюань Ли, пожалел бы он о содеянном? Но Жун Юэ был именно таким человеком: он молча нёс на своих плечах все тяготы, не жалуясь на судьбу.

Ныне в Обители Санся, принадлежащей Цан И, плоть Сюань Лин была полностью восстановлена и поддерживалась силой бессмертного, которую оставил Жун Юэ. Однако, хотя остатки души и могли слиться с телом, из-за её неполноты и ожогов от Небесного Фонаря Сюань Лин не могла очнуться от вечного сна.

Цан И попросил Сюань Луна собрать воспоминания Сюань Лин о прошлом и её любимые вещи, а также попытаться привлечь внимание Сюань Ли, но тот оставался непреклонен, словно сердце его было выковано из камня.

Проведя некоторое время в Милоу, Цан И вернул на место Бусину Разрыва Воспоминаний Жун Юэ. Выйдя из Милоу, он напрямик направился в тайную комнату Обители Санся. В центре помещения стоял хрустальный гроб, в котором покоилось бессмертное тело Сюань Лин.

Остановившись перед ней, Цан И сотворил заклинание, вливая в тело Сюань Лин смесь росы Ароматного Фонаря и сущности бессмертного, переданной Жун Юэ. Если не удастся отыскать остальные части души, то даже собирая воспоминания по капле, её не воскресить и за тысячи лет — оставалось лишь позволить ей так и пребывать в беспометстве.

Цан И вздохнул: Ах, Сюань Лин, ну и горькая же у тебя судьба. Угроздило тебя связаться с этим неудачником Жун Юэ — где он, там жди беды. И почему ты полюбила именно такого, как он? К тому же, ты ведь должна понимать, что он всегда видел в тебе лишь младшую сестру. Но Жун Юэ терзаем виной и одержим желанием воскресить тебя, чтобы искупить свою вину. Если бы с Небесным Фонарем не случилось беды, я не поручился бы, что Жун Юэ не сбежал бы — таков уж он, человек порывистый. Если у тебя осталась хоть искра сознания, прости ему эту ветреность.

Выговорившись и излив душу, Цан И ушёл. Но стоило ему покинуть комнату, как в хрустальном гробу сердце Сюань Лин вдруг сильно забилося, а всё её тело на миг озарилось вспышкой — словно это был ответ Цан И, безмолвный зов её сердца: она давно простила Жун Юэ.

Оставшись ни с чем, Цан И вернулся в свои покои отдохнуть. Он выпил немного вина Забвения: оно не пьянит, если того не желаешь, но стоит захотеть — и оно уносит прочь все печали. В глазах его всё поплыло, и, осушив чашу, он без сил повалился на кушетку и уснул.

Отдыхавшая неподалёку маленькая лисица открыла глаза. Она подбежала к Цан И, глядя на его разгорячённое вином лицо и рассыпанные по плечам длинные волосы, скрывавшие его благородные черты. Он не был так утончённо красив, как Сюань Ли, но в нём чувствовалась природная мужская сила и мощь, а распахнутые полы халата обнажали крепкую грудь.

Когда он повернулся на бок, на его плече стал заметен жуткий шрам от клинка. Лисица, не раздумывая, запрыгнула на него и принялась слизывать этот рубец. Во время Бедствия Резни Демонов Цан И получил этот страшный удар, спасая другого, и лишь позже Ху Байжо узнал, что это Цан И заслонил его своим телом.

Ху Байжо принял человеческий облик — теперь он был статным юношей лет четырнадцати-пятнадцати в изящных одеждах, с длинными серебристыми волосами и врождённым обаянием.

Прильнув к груди Цан И, Ху Байжо почувствовал исходящее от него тепло и прошептал: Жун Юэ, опять этот Жун Юэ! Его даже здесь нет, а ты всё равно разгребаешь за него дела. Чем он заслужил такую преданность? А я... я ведь всего лишь лис!

Для Ху Байжо разница между ним и Цан И была как между небом и землёй. Видимо, ему было не суждено коснуться сердца Цан И.

Но, даже говоря так, Ху Байжо продолжал сжимать в руке прядь длинных волос Цан И, не в силах отпустить. Лежащий на груди Цан И, он казался воплощением нежности. Никто не видел этого момента — момента, принадлежавшего только ему, когда Цан И мог принадлежать ему без остатка.

Ху Байжо снова обернулся лисцей и тихо уснул на груди Цан И. Не было здесь ни вечности, ни страстных признаний — только бессмертный и лис, и покой текущего мгновения.

Столетний путь страданий: Свиток Не Цзиина. Глава тринадцатая: Мимолётные тени.

Третий день Не Цзиина и Сюань Ли прошёл обыденно: без развлечений и смеха.

Помимо совместных трапез и ночлега, между ними не было никакого общения. С того самого беспричинного спора всё вокруг будто замерло.

Сюань Ли впервые видел такого холодного Не Цзиина, как и впервые видел таким холодным Жун Юэ. Сюань Ли не понимал, какая струна в душе Не Цзиина была задета, но тот словно стал другим человеком, перестав встречать его с улыбкой.

Наступил четвёртый день. Незаметно пролетели три дня из семи, отведённых им на совместное времяпрепровождение. Сюань Ли хотел изменить эту странную атмосферу, поэтому позвал Не Цзиина прогуляться по ближайшему столичному городу, позволив тому быть проводником.

К удивлению, столица Янся стала намного спокойнее: война утихла, клан Юнь вернул себе трон, а весь клан Фэн был истреблён. После коротких мучительных потрясений страна наконец вздохнула свободно и начала путь к миру.

Слушая людские пересуды, Не Цзиин испытывал смешанные чувства. Его кровная месть была свершена — пусть он не перебил всех Фэн, но сделал так, что Фэн Е сгинул без следа.

Двое мужчин, идущих по улицам города, не могли не привлекать внимания. Люди на улице останавливались, чтобы полюбоваться столь необыкновенно красивыми путниками. Сюань Ли тянул Не Цзиина за рукав, и, заметив, что вокруг собирается толпа, они поспешили сменить маршрут.

По пути они слышали сплетни о новом императоре из клана Юнь — им стал Юнь Чэнь.

Теперь Юнь Чэнь не заводил гарем из красавиц, а держал при себе лишь племянника Юнь Рухэ в качестве любовника. Это звучало как грубое принуждение, но на деле Юнь Чэнь души не чаял в Юнь Рухэ и во всём ему потакал.

Однополая любовь существовала издревле, и в этом не было ничего необычного, но чтобы император так открыто демонстрировал это — такого история ещё не знала.

Не Цзиин слышал об этом и вспомнил ту ночь в заброшенном храме, когда Юнь Чэнь и Юнь Рухэ прижимались друг к другу. Юнь Рухэ был очень напуган, и Юнь Чэнь заключил его в объятия, успокаивая, а перед сном нежно поцеловал.

Не Цзиин видел всё это. И сам порой предавался тайным мечтам: были ли те самые странные чувства, что он питал к своему учителю, чем-то похожим? Он признавал их, но не получал ответа.

Прогулка не принесла радости, и вскоре они вернулись в бамбуковую рощу.

Не Цзиин упражнялся с мечом, крепко сжимая бамбуковое лезвие, и его движения были подобны стремительному потоку.

Утомившись, он опустился на камень, глядя на кисточку своего меча. Она была изящной, украшенной нефритовой бусиной. Не Цзиин смотрел на неё, погружившись в глубокие думы, коря себя за то, что вёл себя так холодно, ведь учителю оставалось побыть с ним совсем недолго. Он понимал, что не хочет его отпускать.

В этот миг тишину рощи нарушил шум, вспугнувший птиц.

Внезапно появившиеся солдаты окружили Не Цзиина. Военачальник подошёл к нему и произнёс: Господин Не, Его Величество приглашает вас!

Оказалось, что новый император Юнь Чэнь окружил гору войсками. Не Цзиин, под прицелом мечей, не смел сопротивляться и отправился с ними.

Когда его привели к Юнь Чэню, солдаты отступили.

Не Цзиин пребывал в недоумении. Он не питал добрых чувств к этому человеку, вспоминая, что если бы не эта пара дяди и племянника, возможно, многих бед не случилось бы, и его друзья не погибли бы такой страшной смертью.

Не Цзиин сжал кулаки и поклонился: Поздравляю императора с возвращением престола!

Юнь Чэнь лишь слегка кивнул. Не Цзиин спросил: Зачем император искал меня?

Слышал, что ты пережил беду, когда клан Фэн устроил резню в храме. В ту ночь я получил от вас помощь, и это меня тронуло. Ты выступил против Фэн, чем сильно помог нам. Я вызвал тебя, чтобы вернуть свой нефритовый кулон с изображением дракона. Я обещал вознаграждение, — сказал Юнь Чэнь.

Не Цзиин сжал кулаки и усмехнулся: Не нужно.

Он достал кулон и бросил его Юнь Чэню.

Думаешь, мне нужно твоё подаяние? Думаешь, ты можешь что-то искупить? — прорычал Не Цзиин. — Они мертвы! Мертвы! Ты знаешь, каким пыткам я подвергался в поместье Фэн? Ты когда-нибудь чувствовал, как жизнь становится хуже смерти? Ты считаешь, что виноват только клан Фэн?

Юнь Чэнь испуганно отступил, его лицо выражало бессилие: Это уже случилось, я действительно не могу ничего изменить, могу лишь выразить соболезнования.

Затем Юнь Чэнь тихо добавил: На самом деле, когда Рухэ сопровождал меня на границу, он был ранен стрелой и это его сломило. Он потерял рассудок, не узнаёт никого, постоянно твердит, что преследуем людьми Фэн, и всё время бормочет про этот кулон. Я испробовал всё, чтобы вернуть его в себя.

Юнь Чэнь глубоко вздохнул: Я не могу бросить его, он — всё, что у меня есть. Пока есть хоть капля надежды, я буду пытаться его спасти.

Эта искра искренней любви, подобно лёгкому дуновению ветра, коснулась сердца Не Цзиина.

Не Цзиин закрыл глаза, глубоко вдохнул и произнёс: Их не вернуть, и я не вернусь в прошлое. Я жалею, что когда-то спас тебя и помог. Я очень хотел найти и последнего врага, но перед

лицом судьбы я бессилен. Уходи. Раз ты готов сделать ради Юнь Рухэ такое, я желаю тебе удачи.

Короткая встреча, несколько слов — и всё. Связь Не Цзиина с Юнь Чэнем и Юнь Рухэ оборвалась. Получив кулон, Юнь Чэнь увёл солдат. Не Цзиин не заметил, как от нефритового кулона, которого он коснулся, отделилась тонкая сизая струйка дыма, обвила его ладонь и растворилась.

В лесу воцарилась тишина. Нахлынувшие чувства заставили Не Цзиина опуститься на колени и зарыдать. Он закрыл лицо руками, вспоминая погибших друзей, и его сердце сжималось от боли.

Услышав шум, Сюань Ли вылетел на поиски. Он увидел Не Цзиина, рыдающего на земле, спустился с верхушек бамбука, подхватил его в объятия и начал гладить по спине, не зная, что произошло.

Сюань Ли спросил: Цзиин, что случилось?

Не видя ответа, он добавил: Цзиин, не бойся, учитель здесь!

Они не вернутся! Не вернутся! Учитель, я все эти дни вижу их во сне. Мне кажется, это я виноват в их смерти, я тоже заслуживаю смерти! — Не Цзиин, словно потерявший рассудок, вцепился в одежды Сюань Ли.

Сюань Ли понял, что его терзают внутренние демоны. Он притянул его голову к своему плечу и вытер слёзы: Цзиин, они не винят тебя. Ты отомстил за них, и они обрели покой. Не думай об этом. Поспи, учитель посидит с тобой.

Под мягким голосом Сюань Ли Не Цзиин понемногу затих и уснул, доверяя этому человеку свою жизнь без остатка.

Сюань Ли донёс его до дома, уложил в кровать, укрыл одеялом и просидел рядом до самой ночи, до самого рассвета.

Учитель? — пробормотал Не Цзиин, медленно открывая глаза. В комнате было светло — наступило утро.

Он прикрыл глаза рукой и тяжело вздохнул.

Я здесь.

Этот голос прозвучал как нежная мелодия цитры, проникая в самое сердце. Его руку взяли в

ладони. Сюань Ли сидел рядом, и взгляд его был полон такой нежности, что казалось, будто это совсем другой человек.

Не Цзиин почувствовал тепло его ладони, улыбнулся, и, вложив в это всю жизнь, крепко сжал руку Сюань Ли. Он сел и обнял учителя, прильнув к нему.

Этой ночью учитель просидел у его постели, лишь чтобы присматривать за ним в его безумии. Не Цзиин хотел выразить всё, что у него на душе, но слов не хватало — хотелось лишь обнимать того, кто был рядом.

Сюань Ли замер, но не стал отталкивать, а мягко обнял его в ответ.

Учитель, я не должен был злиться позавчера. Я совсем не мелочный! Хи-хи, я просто подумал, что нам осталось недолго быть вместе, вот и расстроился. Учитель, не сердись на меня, я просто... не хочу тебя отпускать.

Не Цзиин, словно ребёнок, жался к Сюань Ли, и в его душе расцветали тысячи цветов.

Сюань Ли погладил его по спине, тихо прошептал: Я знаю. Я знаю, что у тебя на душе. Но у меня есть свои обязательства, и я тоже не хочу, чтобы время бежало так быстро.

Он вдруг возненавидел Звёздного Владыку Фань Вэя: семь дней — это так мало, а четыре из них уже пролетели, словно вода сквозь пальцы. Он уже знал финал Не Цзиина, но был бессилён что-то изменить.

В присутствии Не Цзиина его привычная холодность исчезала без следа. Он хотел лишь одного: быть добрым к этому человеку, восполнить всё то, чего тот был лишён, забыв, что этот человек — цель его мести.

Учитель, сыграй для меня!

Зачем? С чего это ты вдруг полюбил музыку?

Что любит учитель, то люблю и я. В твоей игре на сяо всегда столько чувств. Обычно ты скрываешь эмоции, но любишь выражать их через музыку. Сыграй мне перед уходом.

Не Цзиин не знал, что уход Сюань Ли означает его собственную смерть, но он был настолько привязан к этому человеку, что не винил его ни в чём.

Хорошо.

Отношения учителя и ученика вернулись в прежнее русло, и к Не Цзиину вернулась его улыбка.

Эти два дня в бамбуковой роще они жили уединённо, как небожители, которым позавидовал бы любой смертный.

Простая еда не мешала им радоваться жизни, они бродили в зелёном бамбуке, наслаждаясь звуками музыки и пением птиц.

Однажды Сюань Ли стоял у чистого озера, играя на сяо и глядя на своё отражение в воде. Не Цзиин легко ступал по поверхности, то вращаясь, то подпрыгивая, и они оба смеялись, навсегда запечатлевая этот момент в своей памяти. Сюань Ли не ругал его за ребячество, находя это лишь милым.

На Небесах, в холодном безмолвии, он действительно что-то утратил, но здесь, вдвоём, они забыли обо всём земном.

Он вдруг понял, почему Жун Юэ, несмотря на дурную славу, так нравился людям: в нём была та естественная свобода, которой Сюань Ли никогда не мог достичь. Если бы этот момент мог длиться вечно — согласился бы он? Он не знал ответа.

Дни текли незаметно.

Столетний путь страданий: Свиток Не Цзиина. Глава четырнадцатая: Осложнения.

После примирения, на шестой день, Сюань Ли и Не Цзиин снова отправились в столицу. Там по-прежнему царили мир и шум, по-прежнему ходили слухи о Юнь Чэне и его племяннике. Не Цзиин шёл следом за Сюань Ли, и даже их случайные взгляды теперь были полны спокойствия.

Не Цзиин накопил кучу безделушек, они бродили по переулкам, сталкиваясь с хулиганами, зарившимися на красоту Сюань Ли. Не Цзиин не позволял никому претендовать на учителя и жестоко проучил их, напоследок бросив: Здесь я когда-то был главным, смотрите, на чьей земле стоите! За то, что посмели зариться на моего учителя, проваливайтесь в восемнадцатый круг ада!

В известной таверне Не Цзиин заказал множество блюд, заставляя Сюань Ли попробовать всё. Тот сделал глоток и скривился: Это ужасно! Я хочу есть только то, что готовит Цзиин!

Не Цзиин поспешно закрыл ему рот, боясь, что такие громкие слова в общественном месте навлекут на них беду.

Учитель, не говори так громко! Вдруг кто услышит?

На них поглядывали с любопытством. Не Цзиин огляделся, глупо улыбнулся и отпустил учителя, исподтишка наблюдая за его реакцией. Увидев, что тот не сердится, он выдохнул.

Ты заказывал — ты и ешь. Я не голоден, буду есть только твоё.

Не Цзиин, поражённый, был одновременно счастлив и расстроен. Слышать такое от Сюань Ли было невероятно, но, глядя на горы еды на столе, он лишь вздохнул и, подчиняясь приказу учителя, принялся всё это поглощать.

Возвращались в рощу под вечер. Осеннее солнце освещало их высокие фигуры, превращая всё вокруг в картину.

Не Цзиин, пританцовывая, шёл впереди, то и дело останавливаясь на камнях. Он помахал Сюань Ли рукой: Учитель, смотри на закат! Это же невероятно красиво!

Они вместе смотрели на солнце, погружающееся в воды озера. Золотисто-оранжевые блики, полёт одиноких птиц, небо и вода слились в едином покое. Не было ничего прекраснее, чем делить этот момент с самым дорогим человеком. Сюань Ли посмотрел на лучезарную улыбку Не Цзиина и замер, не в силах отвести глаз.

Как только они ушли, из ниоткуда появилась фигура в красном халате. Она смотрела им вслед, подняв левую руку, в которой блеснул белый меч с выгравированными на клинке иероглифами Юэли. Меч Юэли был бессмертным артефактом Инхэ Цзюня, Жун Юэ, но как он оказался у этого человека? С тех пор как сгорела Обитель Небесного Фонаря, меч Жун Юэ исчез.

Вечером Не Цзиин приготовил рыбу и овощи. После ужина они разговорились, и Не Цзиин спросил: Учитель, ты скажешь мне своё имя?

С момента спуска в мир людей Сюань Ли не называл своего имени, и Не Цзиин называл его просто Учитель.

Почему ты вдруг спросил?

Это ты дал мне имя, я твой ученик, а своего имени не знаю. Это кажется странным.

Сюань Ли задумался: Я пришёл сюда инкогнито, но если хочешь узнать моё имя — напиши своё.

Не Цзиин, выросший нищим, не умел ни читать, ни писать. Сюань Ли явно намеренно ставил его в затруднительное положение, но у него были на то свои причины.

Хорошо. — Не Цзиин лёг на кровать, размышляя о том, что значит иероглиф, и под эти мысли

уснул.

Наступил последний день. Не Цзиин в одиночестве упражнялся в роще, пытаясь вырезать своё имя на бамбуке. У него не выходило, но сдаваться он не хотел. Он думал: Разве могу я отступить перед такой мелочью? У учителя есть свои причины так поступать, я не должен сдаваться!

Он так над тобой издевается, а ты всё равно не злишься! — раздался в голове насмешливый голос. Не Цзиин поднял голову и увидел, что окружающая обстановка изменилась. Он схватил бамбуковый меч, насторожившись.

Кто здесь?! Выходи! Хватит строить из себя призрака!

<http://bllate.org/book/21161/2144534>